

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Сборник научных трудов

Омск
2011

Редакционная коллегия:

Канд. ист. наук Д. А. Мягков (отв. ред.), канд. ист. наук А. Г. Селезнев (отв. ред.),
канд. ист. наук И. А. Селезнева (отв. ред.), канд. ист. наук С. Ф. Татауров (отв. ред.),
д-р ист. наук Н. А. Томилов (глав. ред.), Л. Е. Малякутова (секретарь).

- Э 91 **Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сборник научных трудов.** – Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. – 442 с.
ISBN 978-5-988-06127-4

Сборник включает материалы Международного научного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по данным антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии)» (Омск, сентябрь 2011 г.) и содержит статьи ученых – археологов, историков, культурологов, этнографов, языковедов, посвященные проблемам формирования и дальнейшей этнической истории тюркских народов Евразии с древности до наших дней. Особое внимание в статьях уделяется современному развитию тюркских народов, их языков и культур. Есть статьи по истории развития отечественной тюркологии. Специальный раздел посвящен теоретико-методологическим и конкретно-историческим вопросам интеграции археолого-этнографических исследований и смежных научных дисциплин.

Книга рассчитана на антропологов, археологов, историков, культурологов лингвистов, социологов, этнографов, краеведов, и всех, кто интересуется проблемами истории Евразии.

ISBN 978-5-988-06127-4

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2011
© Сибирский филиал Российского
института культурологии, 2011

К АТРИБУЦИИ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКИ БРАСЛЕТА ИЗ ПРИКАМСКОЙ УДМУРТИИ

Весной 2010 г. жителем д. Старая Салья Киясовского района Удмуртской Республики Родионом Егоровичем Любимовым нам был передан любопытный обломок металлического браслета. Данный район Удмуртии, по крайней мере, с XVI в. активно осваивался различными этническими группами: сегодня здесь проживают удмурты, марийцы, русские, много татарских селений. Находка не является характерным украшением местного населения, и ее атрибуция вызвала различные варианты.

Фрагмент (около половины общего диаметра) длиной 10 и шириной 8 см представляет собой тонко раскованный лист металла с гравированным изображением. По периметру, отступя от края 3–5 мм, идет окантовка «псевдошнуром». Основное поле заполнено растительным орнаментом, разделенным зигзагом из гладких и «штрихованных» треугольников на три полосы. В центральном поле повторяющийся меандровый орнамент, в основе которого ветвь со стилизованными листьями и цветком посередине. «Листья» полукруглые/каплевидные с точкой посередине. Нижний «лист» удлинённой «листовидной» формы замыкает композицию в круг. Ниже него в противоположную сторону спирально закручивается еще один «лист». «Цветок» имеет двойную середину и семь (на втором должно быть больше) лепестков с точкой в середине лопасти и радиальной гравировкой от сердцевинки. У торца браслета на центральном поле изображен еще один цветок, но «в профиль». Крайние поля зеркально симметричны – та же меандровая ветвь, но без цветка (рис. 1: 3, с. 352).

Варианты атрибуции. Археологическая версия возможна – в районе деревни известно старое кладбище, но при раскопках такие украшения не встречены ни разу.

Из имеющихся скудных описаний (Красноперов 2008) следует, что широкопластинчатые браслеты не характерны для удмуртского костюма. Л. А. Волкова в обзоре фонда драгметаллов Удмуртского краеведческого музея указывает всего на несколько экземпляров: «широкая или узкая штампованная полоска из жести или серебряного листа с растительным узором ... они застегивались при помощи крючка. На некоторые браслеты припаяны монеты» (Волкова 1988: 168, рис. 12 – внизу). Собственно, приведенная характеристика – это практически все, что написано в специальной литературе про данную категорию украшений у удмуртов.

Указанные различия соответствуют двум типам этих украшений: широкопластинчатые и узкопластинчатые. Варианты могут быть выделены по профилировке пластины: плоская и выпуклая, но более перспективным представляется разделить варианты по наличию или отсутствию дополнительных элементов – вставок и подвесок. Опубликованные экземпляры из Удмуртии относятся к двум: без подвесок и с подвесками; вариант со вставками неизвестен. Волковой опубликованы две предмета (Волкова 1988: рис. 12 – внизу), К. М. Климовым – те же два и два других (Климов 1988: рис. 201, 202). Два известны из классической работы В. Н. Белицер (Белицер 1951: рис. 37: 3, 6), еще четыре приведены в монографии С. Х. Лебедевой (Лебедева 2008: рис. 93, 1326, 150, 196). Прорисовки фотографий и «развертки» отсутствуют, что затрудняет идентификацию орнамента.

Орнамент на одном из браслетов, опубликованных Белицер, представляет собой широкую полосу, ограниченную с обеих сторон зигзагом из гладких и «штрихованных» треугольников. В центре – цветки с двойной сердцевинкой, из которых в обе стороны симметрично вырастают побеги, и каплевидными лепестками с точкой в центре. Два браслета, опубликованные Климовым, относятся к типу широкопластинчатых. Один из них, очень широкий, без дополнительных привесок. В центральной полосе трехчастной композиции цветок с сердцевидными лепестками с точкой в середине и решетчатой сердцевинкой. От цветка симметрично в обе стороны расходятся еще два «цветка», но в профиль, так что видна «боковая поверхность» чашечки, переданная решетчатым орнаментом, и лепестки с внешнего края. Узкие боковые поля зеркально симметричны и декорированы волнообразно изогнутой ветвью. Второй браслет, с привесками-монетами, по системе декора близок приведенному Белицер – основной орнамент нанесен на центральное поле. На нем повторяется

меандровый орнамент из ветки с листьями и крупным цветком. На «втором» браслете в альбоме Лебедевой также представлена трехчастная композиция, но полоса в центре занята «солнцами»: «полным», перемежающимся с «полусолнцами». На боковых – симметричный декор, близкий «большому» браслету Климова. «Третий» браслет Лебедевой отличается большой шириной, возможно, насколько позволяет судить фотография, он составлен из трех, первоначально самостоятельных. В центральном поле уже знакомый меандр из ветви с крупными цветками. Орнамент оставшихся браслетов не читается.

Таким образом, в опубликованных экземплярах «удмуртских» браслетов нашлись составные элементы орнаментальной композиции нашей находки. Но это не решает проблему их происхождения. Как отмечено Л. А. Волковой и С. Х. Лебедевой и судя по отсутствию упоминаний у других авторов, браслеты известны только в южноудмуртском костюме, испытавшем наибольшее влияние со стороны татарского.

В костюме татар, изученном гораздо более полно, чем удмуртский, браслет является обязательной принадлежностью. Выделяются несколько типов, из которых нас интересует тип I – пластинчатые, узкие и широкие; чеканные, гравированные, с камнями и подвесками (Суслова и др. 2000: 238–239). Они широко распространены и не связаны жестко с каким-либо конкретным костюмным комплексом, но чаще встречаются у татарок Окско-Сурского междуречья, мишарей и татар восточных областей. Мусульмане предпочитали декор из камней, кряшены – подвески из монет (Суслова 1980: 50). По мнению исследователей, такие браслеты распространены преимущественно у тюркоязычных народов вплоть до Средней Азии. Но, например, для казахских украшений характерны совершенно другие орнаменты (Тохтабаева 2005). У татар и башкир известен орнамент из побегов с крупными цветками, но несколько другой. Цветок многолепестковый, в высоком рельефе, на побеге не отдельные листья, а веточки или розетки, заканчивающиеся листочками (Суслова 1980 : рис. 15). Аналогичный декор имеют браслеты пермских башкир (с. Барда, д. Щелканка) (Искусство 2007: 343 – сверху; Черных 2007: 243–7, 8) и марийцев (Меджитова 1985 : рис. 34 – внизу справа). В той же технике высокого рельефа выполнен еще один широкопластинчатый браслет с трехчастной композицией с «меандровой» ветвью с крупным цветком из коллекции Российского этнографического музея (временная выставка в Национальном музее Удмуртской Республики, сентябрь 2008 г., личные наблюдения – А. А. Красноперова).

На концах браслета из с. Старотураево (Татарстан) изображен цветок «в профиль», переданный решеткой (Кутушева 2003 : ф. 122-г), схожий с декором «широкого» браслета К. М. Климова и оформлением конца браслета из Вятской губернии (Меджитова 1985 : рис. 34 – внизу слева). Близкое соответствие орнаменту центрального поля браслета В. Н. Белицер есть в браслете из этнографического музея Башкирского государственного университета – тот же цветок с двойной сердцевинкой, лепестки с точкой и симметричные побеги в обе стороны (Искусство 2007: 342 – сверху справа). Центральный цветок с симметричными побегами и цветки «в профиль» есть на браслете из фондов Вяткинского этнографического музея (Шитова 1995: 132 – сверху).

Установленные в настоящее время следующие факты:

- браслеты – в целом – не характерны для удмуртского костюма; известны только в южноудмуртском костюме, в котором заимствованы у татар/башкир (?);
- сплошные широкопластинчатые браслеты – обязательный элемент костюма тюркоязычных народов, откуда иногда попадали в костюм финноязычных (мари, удмуртов);
- для татар и башкир характерны несколько иные орнаменты и технологии изготовления, но встречаются отдельные элементы, присущие нашей находке;
- отличительными признаками нашей группы браслетов являются: а) трехчастная композиция с одним центральным широким полем и двумя крайними узкими; б) поля отделены друг от друга зигзагом из гладких и штрихованных треугольников; в) орнамент на крайних полях зеркально симметричен и представляет собой меандровую ветвь с листьями; г) в центральном поле меандровый орнамент образован ветвью с листьями и асимметричным цветком в центре; д) сердцевина цветка – двойной круг, лепестки каплевидные с точкой в центре лопасти, от середины цветка расходятся радиальные линии; е) вариантом орнамента может быть изображение цветка «в профиль» с декором в виде решетки.

Рис. 1. Браслеты:

1 – группа браслетов с элементами орнамента, соответствующими находке из д. Старая Салья: а – Пермская губ., Осинский у. (Лебедева 2008 : рис. 150 – в центре), б – «южные удмурты» (Климов 1988 : рис. 201 – справа), в – этнографический музей Башкир. госуниверситета (Искусство 2007 : 342 – вверху справа), г – «башкиры» (Шитова, 1995 : 132 вверху), д – Удмуртская АССР, Глазовский р-н (Белицер 1951 : рис. 37: 3), е – «южные удмурты» [Климов 1988 : рис. 201 – слева], ж – Вятская губ., Елабужский у. (Татарская АССР, Елабужский р-н), «восточные марийцы» [Межитова, 1985 : рис. 34 – внизу слева], з – Башкортостан, Ермекеевский р-н, с. Старотураево (Кутушева 2003 : ф. 122-г).

2 – прорисовка орнаментов (выполнены Л. И. Липиной). Номера соответствуют рис. 1: 1.

3 – д. Старая Салья, Киясовский р-н, Республика Удмуртия, случайная находка (рисунок Н. Ф. Шишкиной).

4 – группа татарских и башкирских браслетов – прототипов орнаментальной композиции: а – Казанская губ., Мамадышский у. (Лебедева 2008 : рис. 132б), б – Пермский край, Бардымский р-н, с. Барда (Искусство 2007 : 343 – вверху), в, е – Пермская обл., Суксунский р-н, д. Агафонково (Суслова 1980 : рис. 15а, б, г – Вятская губ., Елабужский у. (Татарская АССР, Елабужский р-н), «восточные марийцы» (Межитова 1985 : рис. 34 – внизу справа), д – Пермская обл., Огурдинский р-н, д. Щелканка (Черных 2007 : 243–7), ж – Пермский край, Бардымский р-н, с. Барда (Черных: 243–8) (возможно, тот же браслет, что и 4б)

Рассматриваемый фрагмент браслета соотносится с немногочисленными и совершенно неизученными браслетами в удмуртском костюме, но его окончательное происхождение еще предстоит выяснить.

Белицер 1951 – Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу // Тр. Ин-та этнографии. М., 1951. Т. 10.

Волкова 1988 – Волкова Л. А. Удмуртские женские украшения XIX – начала XX вв. (этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 153–172.

Искусство 2007 – Искусство башкир. Традиционные художественные ремесла / С. Н. Шитова, Е. Е. Никонорова, Ф. Г. Ахатова. Уфа, 2007.

Климов 1988 – Климов К. М. Удмуртское народное искусство. Ижевск, 1988.

Красноперов 2008 – Красноперов А. А. Этнографическое изучение одежды народов Прикамья (сравнительно-историографический аспект) // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья : сб. материалов. Межрегион. науч.-практ. конф. 24 октября 2008 г. Уфа, 2008. С. 240–254.

Кутушева 2003 – Кутушева Г. Р. Традиционный костюм башкир и татар в Западном Башкортостане: к проблеме этнокультурных взаимодействий. Уфа, 2003.

Лебедева 2008 – Лебедева С. Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск, 2008.

Меджитова 1985 – Меджитова Э. Д. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.

Суслова 1980 – Суслова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX вв. : историко-этнографическое исследование. М., 1980.

Тохтабаева 2005 – Тохтабаева Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы, 2005.

Черных 2007 – Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007.

Шитова 1995 – Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.

В. Е. Ларичев

Россия, Новосибирск, Институт археологии и этнографии

КАЛЕНДАРНО-АСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СТРУКТУР СВЯТИЛИЩ С ОЛЕННЫМИ КАМНЯМИ

**(опыт реконструкции по документации обустройства комплекса Сурийн Дэнж,
раскопанного в Центральной Монголии)***

Масштабное изучение в Монголии святилищ с наскальными изображениями (Кубарев 2009; Кубарев и др. 2005: 638), сложных культово-обрядовых сооружений с оленными камнями (так называемых «ритуальных площадок, заменявших погребения») и курганного типа захоронений с кольцевидными выкладками на их периферии впечатляет эффективной результативностью (см. обзорные статьи (Ковалев и др. 2010а: 84–103; Ковалев и др. 2010б: 104–118; там же обширные списки литературы). Раскопки, планомерно осуществленные в последние десятилетия, в значительной мере расширили источниковую базу изучения культур времени начала становления кочевых цивилизаций пустынно-степных и горно-таежных регионов Центральной Азии, территориально близких Западной и Средней Сибири, а через них – южным районам Урала и Зауралья. Знакомясь с краткими, но емкой информативностью публикациями, приходится лишь сожалеть, что при анализе зафиксированных в ходе копирования многофигурных композиций, выбитых на скальных плоскостях святилища,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральных целевых программ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (гк 02. 740. 11. 0353) и «Культурное наследие России».